

ЗУЕВ И СЫСУЕВ

Рассказ

В подмосковном доме отдыха праздновали юбилей литературного журнала. Вечером намечался банкет с танцами, а утром шашлыки на лоне природы. Гости все прибывали. Был среди них и некто Зуев, писатель-новеллист.

У конторки в вестибюле он получил маленький ключик от номера, к которому ватерклозетной цепью была прикреплена здоровенная оловянная груша, напоминающая гирию от ходиков. Зуев долго и растерянно смотрел на нее. Куда ее девать? Если в карман, то болванка безнадежно испортит фасон его старого и единственного костюма, который ему уже стал тесноват. Носить в руках? С этакой-то срамной цепью? Словно был человек в сортире, чересчур энергично спустил воду, а цепочка осталась в руках. Пустяки такого рода всегда казались Зуеву неразрешимыми. Праздник еще не начинался, а он, человек несветский, уже досадовал, что они со Светланой сюда приехали.

Пока Светлана, стуча зубами, переодевалась в номере, где было куда холоднее, чем снаружи, на апрельском солнышке (дом отдыха не отапливался), Зуев пошел побродить по пустым коридорам. На их этаже хозяева предусмотрительно раскатали длинные вытертые гостиничные дорожки, но этажом выше их уже не было. Сам не зная зачем, он поднялся на несколько маршей. Звуки предбанкетной суеты почти не доносились сюда. Странной и тягостной была тишина этого двенадцатиэтажного здания. Пахло давно нетопленной баней. Глядя на ветвистые трещины, бегущие по стенам, на отваливающуюся кусками штукатурку, Зуев вспомнил где-то читанную фразу, что в России дома ветшают не столько от времени и природных стихий, сколько от перепада температур. Достаточно не топить всего две или три зимы, - и все, можно затевать капитальный ремонт.

Сегодня, как и в счастливые времена процветания дома отдыха, когда здесь жили по профсоюзным путевкам круглый год, дружно вышли на работу повара, официантки, сантехники и электрики. Журналу их услуги по московским меркам стоили весьма недорого - потому и был выбран загородный пансионат, а не, скажем, московский ресторан. Но и из этой скромной суммы можно было выплатить персоналу трехмесячную зарплату. Директор дома отдыха, еще не старая и аппетитная особа, аж светилась от радости:

она, видимо, находилась в плену у ложной надежды, что полоса неудач закончилась, что юбилей этот - первая ласточка, а за ним, как из рога изобилия, последуют другие, а также всякие презентации, конференции, съезды... Напрасные надежды! Очень скоро этот дом будет продан какому-то богатею за бесценок на слом.

Зуев подошел к лифту. Интересно, работает ли? Он нажал на кнопку. Где-то привычно лязгнуло, заскрипел, наматываясь на лебедку, трос. Двери открылись. Зуев вошел, намереваясь ехать вниз, а потом вдруг передумал и решил подняться наверх, на двенадцатый, последний этаж. "А ведь что случись, лифтера не будет", - вяло подумал он. Преследуемый, как в детстве, навязчивой мыслью о падении в шахту, он смотрел на себя в позеленевшее зеркало. "Разве мама любила такого, желто-серого, полуседого и всезнающего, как змея?" Лифт благополучно добрался наверх, Зуев вышел из кабины и остановился у обзорного окна в фойе.

Отсюда хорошо просматривалась опоясанная железной оградой территория дома отдыха, стиснутая в треугольник между недостроенным, но уже умершим производственным гигантом слева и низкими домиками жилой застройки справа. В овраге, отделяющем таинственный завод от пансионата, журчал мутный ручеек. Когда-то, судя по прекрасным корабельным соснам, растущим в "треугольнике", здесь был живописный бор. Но теперь вокруг железной ограды царствовал однообразный серый пейзаж ближнего Подмосковья. Безлюдье, бетонный забор с надписью: "Ельцына - на рельсы!", сломанный навсегда телефон-автомат, бабка на тротуаре в низко повязанном платке, с неизменной кошелкой в руках. Стоит, безмолвно шевеля губами, дивится на открытые в кои-то веки ворота дома отдыха. Зуев услышал гудок электрички. Рука его машинально дернулась вниз, за тяжелой сумкой с книгами. Но сегодня ее не было.

"Рефлексы - как у собаки Павлова", - с неудовольствием подумал Зуев. Что ж, почитай, каждое утро так: платформа, ожидание, дымок сигареты, выкуриваемой без вкуса, от нечего делать, гудок электрички, сумка... Писательство давно уже не кормило Зуева, и он торговал книгами в электричках. Предлагали ему и "точку" в Москве, но от нее отказался: могли встретиться собратья по творческому цеху. Не ездил Зуев и в пригородных направлениях, по которым размещались писательские дачные поселки (Переделкино, Внуково, Красновидово). Он не то чтобы боялся знакомых - не хотел отвечать на их праздные вопросы.

Когда-то Зуев писал неплохие, сжатые, точные по языку рассказы. Лаконичность была его коньком. Идеалом писательской работы он считал, когда сто черновых страниц беспощадно

превращаются в беловых десять. Сокращать текст, ужимать фразу для него было истинным наслаждением. В те два звездные писательские года, что выпали на его долю (в самом конце советской эпохи), гонорары за публикации были довольно высокими. На деньги, полученные за один напечатанный рассказ, можно было жить два месяца. Когда Зуева стали привечать в редакциях журналов, он бросил учительскую работу в школе (русский язык и литература), которая давалась ему с большим трудом, и с удовольствием занялся чистым писательством. Без всякой книжки, за дюжину опубликованных в периодике рассказов его приняли в Союз писателей (тогда еще СССР), что в советское время происходило крайне редко. Это обстоятельство сильно приподняло Зуева в собственных глазах. Вскоре и с книжкой дело пошло на лад: заключил в одном издательстве договор, сдал рукопись... Но тут разразилась катастрофа.

Началась "великая капиталистическая революция". Издательство мгновенно разорилось. Зуеву предложили издать книгу за свой счет. Он бы издал, но названной астрономической суммы у него, естественно, не было. Журналы по-прежнему принимали зуевские рассказы, но на теперешний гонорар не то что два месяца - две недели было жить нельзя. Чтобы не голодать, следовало бы печататься каждый месяц, но не было ни столько рассказов у Зуева, ни столько журналов в Москве. Вот тогда-то он понял, что "грубая, примитивная" советская эпоха предоставляла гораздо больше возможностей для беззаботного существования так называемых эстетов, чем нынешняя, "свободная", с ее будто бы "неограниченными возможностями"!

Очень скоро он на своем опыте узнал, как стремительно происходит обнищание. Ни он, ни его покойные уже родители никогда не были богаты, но все же нищета, как ясно теперь стало Зуеву, была для них понятием исключительно литературным. Нищета - это огромная черная дыра, это нехватка сразу во всем, а не в чем-то одном или даже в нескольких насущных вещах, необходимых завтра, послезавтра... Все рвалось, изнашивалось, ломалось, терялось, кончалось, съедалось почти одновременно, опережая стремление Зуева найти хоть какую-то работу помимо учительской. В школу бы его взяли, но это бы не решило его проблем, так как месячная зарплата учителя составляла теперь примерно ту же нищенскую сумму, что платили за рассказ в журналах.

Денег хватало только на "паленую" водку, которая стоила в те времена баснословно дешево - две-три тысячи (два-три рубля). Но на приличную закуску, увы, уже не хватало... Черный хлеб,

килька... Однажды, распив с писателями, такими же бедолагами, как и он сам, несколько бутылок, возвращался Зуев на электричке домой. Он сидел в полупустом вагоне, бормотал себе под нос, продолжая мысленно ставить к стенке предателей Родины (сей виртуальной, но утешительной игрой писатели и занимались за чаркой). В электричку вошла тонкая молодая скуластая брюнетка и низким, с интимной хрипотцой голосом стала рекламировать свой товар - косметику. Зуев, лучезарно и пьяно улыбаясь, сказал ей комплимент насчет ее голоса; она внимательно посмотрела на него и ушла со своим баулом в другой вагон. Но через некоторое время вернулась и села напротив.

- На сегодня все, - сказала она. - А вы серьезно насчет голоса? - Говорила она с южнорусским акцентом, "гэкала".

- Что за вопрос? Конечно.

- А я думала, шутите. Тут так охрипнешь к концу дня, что говорить уже не можешь, а вы - красивый голос.

Завязался игривый, ни к чему не обязывающий разговор. Скуластенякая понравилась Зуеву. Расставаться с ней было жаль. Когда поезд подходил к его станции, он схватил ее за руку.

- Пошли ко мне в гости.

Она вырывала руку, но не очень сильно.

С тех пор Светка бывала у Зуева часто, а потом и вовсе переехала в его комнату в коммуналке. Она была сезонной "гастролершей" из Крыма, и ей приходилось ютиться в Москве и Подмосковье по разным углам. Светке льстило, что ее новый друг - настоящий писатель, но, побывав у него в третий или четвертый раз и видя, что холодильник друга не только по-прежнему пуст, но и, видимо, навсегда отключен, а на самом Зуеве та же одежда, в которой она его увидела впервые, причем носки - разные, она со свойственной ей прямоотой поинтересовалась источниками его существования. Зуев столь же прямо ей ответил.

"Ну ты даешь! - удивилась Светка. - Как это - негде работать? Это у нас в Крыму негде работать!" С этого дня она энергично взялась за устройство зуевской судьбы. Он не очень противился: последнее время его судьбой мало кто занимался.

Оказалось, все торговцы из электричек, чем бы они ни торговали, объединены в некое подобие синдиката. Мысль относительно Зуева, которая пришла в голову Светлане, была безупречно логична: "Если ты *писатель*, так иди к нам торговать книжками". "Стыдно..." - поморщился Зуев. "А писать - не стыдно? - сразила его наповал Светка. - Сколько же можно ходить в разных носках? Смотри, скоро без трусов останешься!"

Если бы офеней-книгоношей Зуеву предложил стать кто-то другой, он, конечно, ни за какие деньги не согласился бы. Но отказать Светлане означало одновременно обидеть: я, мол, не такой, как ты, чтобы в электричках торговать. Хохмы ради он решил попробовать. "Синдикат", "головной офис" коего размещался в подвале на окраине Москвы, оказывается, не только мог снабдить его книгами для торговли, но и предоставлял возможность выбирать их жанр. Серьезной прозы, впрочем, там не водилось, зато были исторические романы. Их-то Зуев и выбрал. Последнее время, переживая кризис жанра, он сам стал писать исторические очерки - и отдавал печатать в тот самый журнал, на юбилей которого его пригласили. ("Интересно, позвали бы они меня, когда бы знали, что я - книгоноша?" - думал Зуев).

Поначалу, конечно, торговля приносила Зуеву одни убытки, но потом дело пошло. Выяснилось, что офени рискуют меньше других коробейников: тяжелые книги были не по вкусу лихим людям, хотя выручку они пару раз у Зуева отбирали. Пригодился и литературный дар. В офенском деле большое значение имеют аннотации, которые книгоноши сочиняют, заучивают наизусть, а потом декламируют перед пассажирами. Как у всякого жанра, у офенского рекламного очерка существовали свои законы. Первая, бóльшая часть его была литературно-дифирамбическая, вторая - дифирамбическо-математическая. Объявляемая цена книги сравнивалась с ценой толстых еженедельных газет, затем объем книги противопоставлялся объему газеты. Зуев с его склонностью к лаконичности писал безупречные аннотации не только себе, но и половине знакомых книгонош. Не меньшее значение имел голос, который должен был перекрывать стук колес, лязганье и дребезжанье электрички - этим Зуева тоже Бог не обидел. Естественные смущение и скованность через пару недель коробейничества он преодолел.

Зуев раздался в плечах, заматерел, приоделся, постепенно расплатился с долгами, купил Светке южнокорейский телевизор, по которому она, облаченная в приобретенное по дешевке кимоно, смотрела "мыльные сериалы", в то время как он, отделенный от нее и телевизора поставленным поперек комнаты платяным шкафом, сидел за письменным столом и писал свои исторические очерки.

Жизнь его, казалось, вошла в тихую заводь. Пущенный со своими честолюбивыми стремлениями под откос, он как бы обрел теперь точку покоя. Ненавидящий себя и тяжелое офенское призвание утром, он к полудню "отмораживался", входил в вагон раскованно, как в подъезд, с книжкой в вытянутой руке, точно хунвэйбин с цитатником Мао. А вечером, с полегчавшей сумкой и

приятно потяжелевшим кошельком на поясе, он бездумно, с сознанием выполненного долга, неведомо зачем на себя взятого, ехал домой. Все это - книги, электрички, Светка, ее горячие щедрые ласки - было как бы случайно и необязательно, но просто и понятно. Если раньше он понимал свободу как право на иллюзии, то теперь понял, что жизнь без иллюзий - тоже форма свободы.

Лязгнул и завыл лифт. Зуев очнулся. Чего он стоит здесь, на двенадцатом этаже? Там же, в номере, ждет его Светка. Он заспешил вниз, будя стуком своих подошв промозглую тишину лестничных маршей.

Светлана в накинутом на плечи пальто ходила по номеру из угла в угол.

- Ты чего бросил меня в этом холодильнике? - накинулась она Зуева. - Что они, блин, не могли снять дом отдыха потеплее?

- Ты этот свой "блин" забудь, - улыбнулся он. - Здесь же званый вечер, а ты приглашенная дама.

- А что, чем не дама? - она движением плеч сбросила пальто и осталось в декольтированном синем вечернем платье, которое взяла напрокат у своей подруги, торгующей шмотками на рынке у метро, и покрутилась перед Зуевым, веером распустив подол.

"А правда - хороша! - подумал он. - Пожалуй, красивее нее здесь никого и не будет. Смотри, Зуев - уведут!"

Они спустились в зимний сад. Это было просторное помещение с выложенным кафельной плиткой полом, вдоль стен которого стояли кадки с какими-то вечнозелеными растениями, не погибшими за суровую зиму, видимо только потому, что были холоднотойкими.

Торжественная часть еще не началась. В дальнем углу зала что-то пиликало на электрических инструментах квартет в официантских галстуках-бабочках, позаимствованный, очевидно, в каком-то подмосковном ресторане. На столах у входа стройными рядами, как компот в столовой, стояли общепитовские тонкостенные стаканы, доверху наполненные сухим вином; здесь же были вазы с фруктами. Зуев дал Светке, стрелявшей блестящими глазками по залу, стакан, а сам взял апельсин - офени сухого не пьют.

Гости потихоньку собирались в зимнем саду. Чернявая долговязая критикесса лет под сорок, дочь одного из "благодетелей" журнала, с волосами, крыльями начесанными на стоящие торчком уши, громко распекала коммерческого директора издания:

- Почему вы не предупредили, что здесь не топят? Я бы надела сапоги, а не туфли! - Она вытянула свою костлявую голенастую ногу с ужасной четырехугольной туфлей на ней, что вошли тогда в моду, а потом притопнула.

Зуев хрюкнул. Глядя на дочь благодетеля, на ее визгливое негодование, можно было подумать, что это она торговала косметикой в электричках, а не Светка. Однако краснолицый коротышка-директор был не из тех мужчин, кого за здорово живешь могут смутить незамужние сорокалетние светские дамы в четырехугольных туфлях.

- Ну скажите на милость, зачем такой красавице сапоги? - он придал своей лоснящейся роже гримасу изумления. - Вам стоит только шевельнуть вашей прекрасной бровью, и мужчины согреют вас в танце лучше всяких сапог!

Долговязая зашевелила не только "прекрасными" бровями - пришло в движение все ее носатое вытянутое лицо, что, очевидно, показывало крайнюю степень возмущения, хотя и видно было, что грубая лесть коротышки пришлась ей по вкусу.

- Или вот Зуев стоит, - заметив его неосторожную усмешку, подло сказал коммерческий директор. - Глядите, как жадно на вас смотрит! Представляете, если бы вы были в вечернем платье и сапогах? Эти писатели - такие эстеты!

- Зуев со мной, - низким голосом тут же сказала Светлана, не понимавшая шуток, когда речь шла о чем-то или ком-то, принадлежавшем лично ей.

- Какая жалость! - натренированно отозвался коротышка. - Так ты женат! - погрозил он пальцем Зуеву. - Или просто морочишь девушке голову, как всегда? Вот, - повернулся он снова к чернявой, - пока вы, чуть озябнув, малодушно думаете о сапогах, другие брюнетки уводят лучшие кадры!

- Если ты не знал, что я женат, - удивляясь, как ловко этот Юрий Модестович свел скандальную ситуацию к шутке, сказал Зуев, - то зачем вы направили приглашение "господину и госпоже Зуевым"?

- На всякий случай! Бог его знает, женат ты или нет. Ты, небось, уж пятый раз женат. - Коротышка снова повернулся к дочери благодетеля, играя бровями, интимно понизил голос. - А об этой аварии в котельной я узнал только сейчас, великолепная, клянусь жизнью.

Мятеж был тихо подавлен. Конечно, коммерц-директор беспардонно лгал - никакой аварии не было. Но если бы журналу пришлось платить за услуги законсервированной котельной, за мазут, то цены на торжество сравнялись бы с московскими и хлопотный выезд за пределы Кольцевой автодороги терял бы смысл.

Зала постепенно заполнялась. Юношеской подпрыгивающей походкой подошел к столу с вином литературовед Небольсин. Он, точно какой-то булгаковский герой, привел с собой ничего не

понимающего молодого японца. Японец был худой и длинный и все время улыбался, по обычаю своего неискреннего народа. Небольсин взял двумя пальцами стакан с вином, понюхал и поставил обратно. Японец, же, напротив, выпил.

Уже несколько лет Зуев не бывал на литературных мероприятиях, поэтому с интересом посматривал на знакомых, которые, впрочем, мало изменились, разве что постарели. Он раскланивался с теми, кто его узнавал. Но тут в толпе мелькнуло весьма характерное лицо. У Зуева неприятно кольнуло под ложечкой. Прямо на него, одетый в дорогой костюм с отливом, пятна с коего смываются влажной тряпочкой, шел писатель Сысуев, однокурсник Зуева по университету. Был он статен и высок, с так называемым мужественным лицом, которое несколько портили тяжелые мешки под воспаленными глазами (они у него были всегда, даже в студенческую пору). Под руку г-на Сысуева хватко держала его супруга - грудастая, полнотелая, но на довольно хилых ножках. Была она природной блондинкой, но тем не менее злые языки говорили, что она еврейка.

Если бы Зуев знал, что встретит здесь Сысуева, то он бы, скорее всего, не приехал. К литературному миру он давно уже относился достаточно равнодушно, но у всякого правила есть исключение. Вот таким исключением и являлся Сысуев.

Сысуев едва ли был хорошим человеком, но он был талантлив.

Из-под его гибкого пера выходило все, что угодно: романы, очерки, статьи, эссе, пьесы, сценарии, либретто. Не писал он разве что лирических стихов. Сысуеву ничего не стоило быстро смастерить роман психологический, социальный (с разоблачениями), исторический, фантастический, детективный, любовный (с эротикой), сентиментальный, роман-катастрофу. За те несколько лет, что вновь утверждался на земле Русской капитализм, Сысуев настругал десятка полтора романов, а Зуев не написал и десятка рассказов. Под каждый второй роман сей баловень судьбы умудрялся получить какую-нибудь "крутую" премию - "Букер", "Анти-Букер", "Триумф"... Сысуев славился ловкостью в выборе политического фарватера, незнание которого посадило на мель не одно писательское судно, в том числе и зуевское, ибо простоватый Зуев не скрывал, что его политические симпатии - на стороне таких же изгоев, как он, выброшенных из центра жизни на обочину. Сысуев же пребывал в роли вечного центриста - центриста, всегда стреляющего в яблочко. Его убеждения были столь же эластичными, как и писательский талант. Попав в компанию "демократов", он легко становился "демократом", с патриотами - патриотом, с центристами - центристом, с евреями... С евреями он был "мужем

своей жены" (то есть почти евреем), причем всем он умел себя изобразить попутчиком не то чтобы умеренным, а несколько бесшабашным, не от мира сего, а это понималось так, что он как художник от политики, в общем-то, далек и не много в ней понимает. Что с такого возьмешь?

Но ничего бы эти хитрости и вселенская изворотливость однокурсника в глазах Зуева не значили и никак не задевали бы его, не будь у Сысуева дара писать интересно и смачно, а порой и пронзительно - особенно, когда речь шла о крушениях любви. Правда, судьба его книг напоминала ярких бабочек, с коих стряхнули пыльцу: перечитывать их не тянуло.

И вот теперь Сысуев, энергично салютуя свободной рукой, направлялся к нему.

- Дружище, привет! Сколько зим!..

Сысуев обнял Зуева, подставив для поцелуя прохладную, благоухающую хорошим одеколоном щеку. Зуев автоматически потянулся было к ней губами, но в последний момент, спохватившись, увернулся - никогда они прежде не целовались. Сысуев хитро, оценивающе глянул на него и представил жену, стоявшую с каменной, слегка презрительной невозмутимостью:

- Евдокия! А это душа моя, тот самый Виталий Зуев, рассказ которого ты прочитала давеча в старом журнале и так восхищалась!

По тому, как несколько напряглось туповатое, но надменное лицо Евдокии, было ясно, что никаких старых журналов она никогда не читала и не хранила.

На представленную ему Светлану Сысуев посмотрел очень внимательно, а потом столь же внимательно - на Зуева.

"Сволочь! - подумал Зуев, отводя глаза. - Ведь я же ему не дал понять, что за человеческий экземпляр его жена!" Сысуев улыбался. Он расплатился за уклонение от поцелуя. Счет стал 1:1.

Главный редактор журнала подошел к микрофону и попросил гостей рассаживаться на креслах у сцены.

Журнал, устроивший это торжество, проповедовал со своих страниц так называемый "просвещенный патриотизм". В политике он придерживался "золотой середины", "стоял над схваткой". Зуев, хоть и печатался в нем, считал такую позицию двусмысленной и даже лицемерной, потому что искренне не понимал, как могут порядочные люди стоять "над схваткой", если в октябре 93-го одну сторону в этой схватке залили кровью, забили дубинками и прикладами, а другая захватила все, что можно. Это уже не "над схваткой", а где-то в другом месте! Сысуев же, понятное дело, в таком издании чувствовал себя весьма комфортно (как, впрочем, почти везде), а его, в свою очередь, там всячески привечали.

Зуев, как объявили торжественную часть, облегченно вздохнул и повел Светку в последний ряд кресел, зная наверняка, Сысуев с Евдокией сядет в первом. Однако, когда после приветственных речей (Сысуев, конечно, говорил, а Зуев, конечно, нет) перешли в обеденный зал, где столы со снедью и выпивкой располагались "покоем", Зуев, хотя и выбрал себе со Светкой места подальше от "президиума", вдруг с ужасом обнаружил по левую руку от себя Сысуева с Евдокией.

Счет стал 2:2.

- Вот и славно, - сказал Сысуев, делая вид, что оказался рядом случайно, и тут же потянулся за коньяком. - Хоть будет поговорить с кем. А то ведь сейчас разведут скучищу! Тосты эти по десять минут... А ты сиди и слушай, как дурак.

"Поговорить тебе хочется, как же! - тоскливо подумал Зуев. - Ты заскучал, потому что притащился сюда со своей псевдо-Евдокией, и бабы тебе на сегодня заказаны. И теперь весь вечер ты будешь оттачивать на мне свое остроумие!"

Но Зуев в своих нехороших предчувствиях был прав лишь отчасти. Дело обстояло гораздо хуже, чем он предполагал. Когда выпили по второй, Сысуев, игриво поглядывая на настенную роспись обеденного зала, изображавшую на фоне березок длиннотелых работниц и колхозниц в ботичеллиевских позах, спросил у Зуева вполголоса:

- Значит, Егор Исаев торгует яйцами на рынке, а ты - книжками в электричках?

Зуеву стало жарко.

- Откуда ты знаешь? - пролепетал он.

Сысуев пожал плечами.

- От общих знакомых, разумеется. Люди ходят на рынок и ездят в электричках. Оригинальничаешь? Или протестуешь так?

- Да какое там - оригинальничаешь... Надо же жить на что-то, - вяло сказал Зуев, с досадой думая: кто же еще знает? Может быть, все? И молчат об этом, жалея?

Счет стал 3:2 в пользу Сысуева. Но ему этого, очевидно, было мало. Насмешливый взгляд его вдруг стал твердым.

- Нет, извини. Что значит: "жить на что-то"? А почему ты не зарабатываешь на жизнь пером?

- Что-то не получается. Но, однако, что за манера лезть в чужую жизнь? Я же не лезу в твою.

- А ты влезь, - поощрил его Сысуев - по-прежнему без улыбки. - И я на все твои вопросы отвечу. Мне от старых друзей скрывать нечего. Естественно, своими маленькими трагедиями и повестями Белкина ты ни фига не заработаешь. Но почему ты решил, что не

можешь писать ничего другого? Ты же профессионал! Пушкин чего только не писал - и что, разве растратился на стороне? А разве Эдгар По, Акутагава и Казаков писали только рассказы? Пишешь же ты свои исторические безделушки?

Зуев с надеждой покосился на Евдокию. Может, она отвлечет чем-то дражайшего супруга? Но Евдокия чинно кушала с тем же брюзгливым видом, не обращая на них никакого внимания. Зуев вздохнул и сказал:

- Что же, по-твоему, я мог бы писать? Романы, как ты? А если у меня не получается?

- А ты пробовал?

- Нет, не пробовал. Зачем? Ты, может, пишешь роман за два месяца, а я за это же время - рассказ. По-твоему, я должен корпеть над романом несколько лет, чтобы только узнать, что я никудышный романист? Я и так это знаю. - Он говорил примирительно, шепотом, желая, чтобы Сысуев сменил, наконец, тему.

Но Сысуев, послав Зуева в нокдаун, ведя уже 4:2 или 5:2, заскучал. Сладость победы, вероятно, была для него неполной, если не ощущал он сопротивления.

- Грош цена твоему знанию! Ты ленишься работать за письменным столом? И вот результат - ты вкалываешь в электричках! Лучше работать ногами, чем мозгами, да? Русская манера! Пойду пешком, пусть кондуктору будет плохо! Что ты тут гонишь? Ты меня нипочем не убедишь, что новеллисту не по силам смастерить добрую повестуху. Лучшие повести написаны новеллистами. И лучшие очерки тоже. А сценарии для кино? Гляди - какие дураки их только сегодня не пишут! Вот что я тебе скажу: ты унижаешь своей этой торговлишкой не только свой дар, ты все наше призвание унижаешь. Для нас в любые времена, даже самые подлые, должно быть место в жизни. Должно! А то и в другие не будет. Чего ты сразу выбрал перо, а не торговый лоток? Такие, как ты, на наш труд смотрят, как на личную прихоть. Да с чего ты это взял, русская ленивая душа? Книги читали и будут читать! Люди нуждаются в них! И неважно, что это за книги. Если тебе не нравятся нынешние, ты напиши другие, а не таскайся по вагонам с чужими! Тебе для чего Бог дал талант? - Сысуев теперь говорил, не понижая голоса. Уже и Светка внимательно смотрела на них, и невозмутимая Евдокия повернула к ним свое мясистое лицо, и добрая половина сидящих за их столом прислушивалась.

- Пойдем покурим, - предложил Зуев Сысуеву.

Тот кивнул, хотя за столами невозбранно курили. Они вышли в зимний сад. Насторожившаяся Светлана пошла с ними, а Евдокия осталась доедать. В пустом зимнем саду все еще играл

электрический квартет - неведомо для кого. На столах по-прежнему стояли подносы с вином. Сысуев сразу взял себе стакан.

- Потанцуем? - Светка игриво, по-цыгански, повела обнаженными смугловатыми плечами.

- Погодите, гитана, - серьезно сказал Сысуев. - Натанцуетесь еще. Я сам танцор первостатейный и докажу это вам, если, конечно, моей валькирии рядом не будет. Ревнива - ужас! А сейчас я хочу, чтобы ваш супруг или бойфренд (что, думаю, вернее), ответил мне на несколько прин-ци-пи-аль-ных вопросов.

- Как он меня назвал? - хмуро спросила Светка у Зуева. - Путаной?

Сысуев заржал.

- Это бесподобно! Я запомню.

- Нет-нет, - поторопился успокоить Зуев Светку, пока она не успела расцарапать морду Сысуеву. - Они так хотят свою образованность показать. Гитана - это цыганка, танцовщица. Сигареты "Житан" видела? Там она на коробке нарисована.

- А-а, - сказала Светка и повела писаной бровью. - А что, говорят, у нас в роду был цыган.

- Вот так-то, дружище Зуев! - покивал головой Сысуев. - Чуть что - и ты говоришь образами! Ты не стал объяснять, что гитана - транскрибированная цыганка. Это долго и неубедительно. Ты сразу предъявил нашей красавице картинку - коробку "Житан". Ты писатель, творец образов, а не книгоноша! Так что же ты дурью маешься?

Светка тревожно смотрела на Зуева. Он ободряюще улыбнулся ей.

- Знаешь, что, Сысуев, - сказал он, - иди-ка ты в баню. Не исключено, что мои проблемы - профессиональные, но твои-то точно нет. Ты пишешь по законам теперешнего бедлама. Твои романы и статьи - каскад фокусов. Да, я из тех людей, кому труднее имитировать творчество, нежели пытаться творить. Спертый воздух этого бедлама мне не по душе, я предпочитаю чистый воздух свободы. Пусть лучше от меня пахнет потом, а не от моих произведений. И вообще - с чего это ты вдруг стал такой заботливый? Сценарии писать, говоришь? Так посоветуй: куда бы мне пристроить будущий сценарий? А то я приду в пустые коридоры "Мосфильма": купите, пожалуйста, у меня сценарий! Только ты меня никогда и на пушечный выстрел не подпустишь с своей кормушке - знаю я вашего преуспевающего брата!

- Вот и проговорился, - злорадно усмехнулся Сысуев. - А то - цветаевский бедлам, башня из слоновой кости... А на самом деле ему доступ к кормушке нужен! Слушай, я живу с Евдокией в

четырехкомнатной квартире в центре, езжу на "оппель-кадете", у меня есть персональный компьютер "Макинтош" и дача в Снегирях, куда я тайком от Евдокии таскаю гитан, - он покосился в сторону Светки, - и путан. Показать тебе, где все это выдают? Но тебе же этого будет мало, надо, чтобы тебя попросили взять, да еще при этом кланялись, кланялись! Подавай русскому человеку скатерти-самобранки! Знаешь что, Зуев: на ковре-самолете дурак полетит. А потом загонит его за бутылку - зачем ему ковер-самолет? В мышеловку ты не хочешь, а бесплатный сыр тебе подавай! Не в коня корм! Как ты думаешь, стал бы Шолохов Шолоховым, если бы ему за каждым кустиком скатерти-самобранки попадались? Я по десять часов в день сижу, не разгибая спины, за компьютером и только вечером позволяю себе потешить свой организм. А ты на что тратишь лучшие годы, когда есть еще творческий кураж, когда еще балдеешь от того, что пишешь? Что ты там нес про воздух свободы? Пора выпрыгивать из юношеских штанов! Я, видите ли, фокусник! Да, я фокусник! У нас люди любят фокусы. Каждому свое! Дуракам фокусы, а умным - артистическая пауза, после которой подопытный дурак сдавленно спрашивает мага, вернет ли тот ему бумажник и часы. - Сысуев схватил еще стакан вина и залпом выпил. - У нас, писателей, своя правда и она не в том, чтобы выбрать путь прямой, как стрела, - назидательно сказал он. - Таких путей не бывает вовсе. Достоевский любил Победоносцева? Полюбишь, если у тебя журнал закроют. И Чехов не выбирал: Суворин или Маркс, он печатался у обоих. Блок в дневнике все шипел на евреев, а сам все-все письма в их защиту подписывал. А что делать: кто бы стал его "Снежные маски" печатать? "Новое время", что ли? А я, между прочим, политических писем никогда не подписывал, ни "за", ни "против", и "Ату!" не кричал, когда долбили из пушек по Белому дому. Неужели никак нельзя понять, что у писателя свое место в этом мире? Создали великую литературу - а до сих пор не поняли! Ты дневник Гонкуров читал? Писатели были не ахти, а что такое литература и жизнь, понимали. Литература - не жизнь, а жизнь - не литература. Мы живем по своим законам. Ты не понял этого и вынужден заниматься тупым бессмысленным трудом в мире дураков.

"Точно, - подумал уязвленный Зуев. - В мире дураков. Ведь его исторический роман я тоже продавал. А другие дураки покупали".

В банкетном зале объявили перерыв на танцы, и народ повалил в зимний сад. Музыканты оживились, поддали жару. Молодежь запрыгала, за ней пустились в пляс и несколько пожилых краснорожих жуиров. Светка, которой надоело слушать тревожный, но непонятный разговор, поманила Зуева в круг, а когда тот хмуро отказался, пошла прыгать одна.

Появился улыбающийся японец. Возле него кругами ходил пьяный беззубый режиссер документального кино, не достающий японцу до груди, и невнятно говорил про нехватку денег на аппаратуру, на пленку...

- Ты знаешь его? - кивнул на режиссера Сысуев.

Зуев пожал плечами.

- Немного.

- Подвижник, народник. Снимает всяких шукшинских чудиков. Верит, что Россия спасется глубинкою. Ищет, где бьют потаенные ключи правды. - Сысуев сардонически улыбнулся. - А денег на пленку найти не может! Поймает первого попавшегося иностранца и давай его обрабатывать - а вдруг даст денег? Вы, дескать, правду о душе не знаете, а мы вы скажем, только ручку позолотите! А как научится человек деньги не кланчить, а своим умом добывать, вы ему сразу - фокусник, приспособленец! Зуев, коньяку бы выпить, надоела мне эта кислятина! Слушай, сделай одолжение, сходи, принеси бутылку, а то, если я пойду, Евдокия в меня вцепится, не приведи Бог, танцевать потащит.

Зуев пошел в банкетный зал. Коньяку уже не было, он взял бутылку водки и рюмки. Но Сысуев рюмку отверг, пробормотав: "Не берет", налил себе полстакана, единым махом выдул его и смачно захрустел яблоком.

- Ого! Ты пьешь, что ли? - спросил озадаченный Зуев.

- Не надейся! - с набитым ртом захохотал Сысуев. - Когда надо - пью, когда не надо - не пью. Сегодня не за рулем, можно расслабиться. Я что - похож на алкаша?

Зуев искоса глянул на его мешки под глазами.

- На тех, что в подворотне - нет. А на тех, что в ЦДЛ витийствуют, пожалуй, похож. Ты вот мне скажи: если я червяк, чего ты с таким увлечением передо мной краснобайствуешь? Совесть, что ли у тебя нечиста?

- Чиста, - сказал Сысуев, разливая по новой - теперь уже в рюмки. - И знаешь, почему? У меня ее нет. Какая у писателя может быть совесть? Разве совестливые люди марают бумагу в погоне за славой? Даже так называемые духовные писатели - чего ради они хотят, чтобы их проповеди печатали в журналах и книгами? Чего они в электричках не проповедуют, как сектанты? Потому что сектанты просто ищут сторонников, а эти - славы. Спекуляция на святом! А распинаюсь я перед тобой, потому что по глазам вижу, что ты под свое опрощение *идею* подвел. Брось! Это не идея. А если идея, она того не стоит.

Зуев не возражал. Возражения, как он понял, лишь подливали масла в огонь сысуевского красноречия.

- Ну, что молчишь? - осклабился Сысуев. - Ты поговори, поговори.

- Иди ты... к Евдокии. Что говорить? Я любитель, ты профессионал. Но, к примеру, знаю, зачем я любитель. А ты зачем профессионал? Чтобы лучше жить или лучше писать?

- Для того и другого, дурашка. Как ты еще не понял?

- Живешь ты, как я понял, хорошо. А почему продолжаешь писать романы-однодневки? Все у тебя складно получается, кроме главного. Ты зачем начинал писать? Думал ли ты тогда, как выжить во враждебном мире? В литературе есть тайна. Назови ее, как хочешь: Бог, идеал, бессмертие. Пойди, расскажи начинающему писателю про свое искусство облапошивать дураков. Он просто с брезгливостью пожмет плечами, вот и все. И будет прав именно с профессиональной точки зрения. Для него твои фокусы - отравка. Живописцев учат чисто класть мазок, а писателей - правдиво выражать свои чувства. Ты говоришь: профессионалу это необязательно и даже вредно. Я, стареющий литературный юноша, позволю с тобой не согласиться. Ни у тебя, ни у других я ничего вычитывать между строк *не хочу*. Пошли вы на хрен! Я хочу чистой литературы, олимпийской. Мне воздух, воздух нужен, а не твоя веселящая закись азота. Что мне твое так называемое творчество? Где в нем Бог, тайна? Что, собственно, ты сделал своей профессией, предприимчивый человек? Сколько еще ты будешь выворачивать свой писательский тулупчик с лица наизнанку и обратно?

Удар прошел. Сысуев по-прежнему улыбался, но хитрые красные глаза его стали злыми. Он разлил еще по рюмкам и задушевно сказал:

- Если тебе, Зуев, нужен идеал чистой литературы - то возьми Евангелие и успокойся. Там все написано. Ничего добавлять не нужно. Однако пишут, добавляют. Человек натура артистическая, художественная. Ему одной правды мало. Он любит образы, картинки, истории. Тебя влечет *жизнь человеческого духа*? Так стань духовным писателем. Православное книгоиздательство, кстати, теперь на подъеме. Нет, все вы вслед за дедом Толстым путаете Божий свет с яичницей, художественную литературу с духовной. Искренность хороша только для простаков, а не для сложных натур. Зачем мне быть искренним? Мало ли чего я хочу? Может быть, я втайне ненавижу человечество? Я хочу дарить людям образы, а не тайны. Тайна у всякого своя. И тулупчик у меня хоть перелицованный, да мой. А где твой? Ходишь ты в драном пальтишке из старых рассказов, а новой добротной одежды не предвидится.

Последние слова Сысуев произнес скорее с вопросительной, нежели с утвердительной интонацией и глянул мельком на Зуева. Тот понял, что он таким образом хочет вызнать у него, пишет он или нет. "Ага, брат! - подумал он. - У всякого бумагомарателя, даже такого успешного, как ты, есть ахиллесова пята: он знает, что рано или поздно испишется. И тогда тот, кто вчера еще молчал, но сохранил в себе литературные силы, может легко вылезти вперед. Литература - особый вид спорта".

- А почему ты знаешь, что у меня предвидится? - с ленивой улыбочкой сыграл Зуев в сысуевскую игру. - Вот, скажем, встретил я тебя, послушал: хороший материал для рассказа! Будешь специально искать такой - не найдешь! Изобразю тебя, брат, народ ухочется!

По глазам Сысуева он увидел, что этот удар тоже прошел. Но Сысуев тут же нанес ответный. Он с деланным безразличием махнул рукой и сказал:

- Валяй, пиши! Сысуев большой, его на всех хватит.

Между тем часть публики вернулась в банкетный зал, допивать, а оставшихся снимал "Бетакамом" оператор подмосковного телеканала, стареющий плейбой в узконосых ботинках на высоких каблуках и зеленом пиджаке, уже изрядно поддатый. Сысуев, увидев наставленный на себя глазок телекамеры, сразу приосанился, значительно глянул исподлобья, словно позируя для фотоснимка на собрание сочинений. Но плейбой, видимо, не знал его в лицо, поэтому задержал объектив на нем лишь на мгновение. Он совершал чудеса акробатической съемки: нацеливался в танцующих камерой из каких-то немислимых полушпагатов, откидывался всем корпусом назад, словно готовясь сделать "мостик", и даже растягивался с "Бетакамом" на ледяном плиточном полу, не жалея ни себя, ни своего удивительного пиджака.

Японец, по-прежнему плотно опекаемый беззубым режиссером, уже не улыбался, а растерянно поглядывал по сторонам. Но Небольсина не было. Зуев видел его в столовой, когда ходил за бутылкой. Небольсин, стоя навтыжку, маленький, стриженный бобриком, сам чем-то похожий на японца, без всякого микрофона громко распевал старые советские песни, которых знал наизусть великое множество. Пел он без перерыва, одну песню за другой, энергично отбивая ритм рукой. Отвлечь его от этого занятия, как хорошо известно, было невозможно.

- Надо помочь юному самураю, - промолвил Зуев.

Он подошел к режиссеру, отвел его под локоток в сторону.

- Оставьте вы его в покое. Нет у него денег, он из небогатой семьи.

- Что у него нет денег, я уже понял, - кротко сказал режиссер и повесил голову. - Не в деньгах дело. - Он вздохнул. - Я ему про нашу русскую боль рассказываю. Должны же они знать?

- Они ничего не хотят знать. Или не понимают. Зачем его мучить? Вы его уже битый час держите. Он молодой, пусть погуляет.

Когда Зуев вернулся, японец дисциплинированно стоял на том же месте, словно ожидая решения своей судьбы. Зуев похлопал его по плечу.

- Иди, отдыхай.

Японец послушно направился к двери в вестибюль.

- Завоюют весь мир, как пить дать завоюют, - заявил Сысуев. - Исполнительные. О! Моя валькирия.

В зал, зло стуча по плиткам каблучками, переваливаясь с боку на бок на кривых ножках, вошла Евдокия.

- Дай мне ключ, - сказала она Сысуеву, брезгливо глянув на почти опустевшую бутылку водки. - Я пойду спать. Мне надоело там сидеть одной, пока ты здесь накачиваешься и пялишься на девок.

- Душа моя, неужели ты думаешь, что я буду таскать с собой эту болванку? Она в ячейке за конторкой. Спокойной ночи, душа моя. Мы мирно беседуем о литературе, как видишь. В номере должно быть тепло, я распорядился поставить обогреватель.

Евдокия, по-бабьи приседая, защелкала на подламывающихся каблуках к выходу. Сысуев заметно повеселел, потер руки.

- Свобода! Вечер начинается! Зуев, готов ли ты к безумствам?

- К каким еще безумствам?

- Ну, как в том анекдоте: "Вы будете участвовать в групповом сексе? Вы, я, ваша жена?" "Нет!" "Тогда мы вас вычеркиваем!" Ха-ха-ха! Шучу. Для начала пошли отольем.

Он увлек Зуева в вестибюль, к туалету. Перед дверью одиноко маячил японец.

- Он там! - отрывисто, как все японцы, пролаял он. - Лонг! Долга!

- Кто - он?

- Кино! Раша...

- Ах ты, Боже мой! - Зуев постучал, подергал дверь. Она была заперта на задвижку.

- Спит, сидя в штанах на унитазах, - философски предположил Сысуев. - Кино... Россия...

Зуев нажал на дверь посильнее, хлипкая задвижка отскочила. Режиссер лежал на полу. Зуев взял его подмышки и выволок из кабинки. Бедолага что-то мычал и пытался переставлять ноги. "На

воздух его, пусть проветрится", - решил Зуев. Он потащил документалиста на улицу. Сысуев только брезгливо посторонился.

Снаружи заметно похолодало. Воздух, впрочем, был чист, как студеная родниковая вода. "То, что доктор прописал, - решил Зуев. - Не забыть бы только за ним вернуться". Он усадил режиссера на скамейку у входа. Тот поднял голову и растроганно сказал:

- Звездочки! - и снова уронил голову на грудь.

Небосвод, и впрямь, сколько хватало глаз, был густо усеян звездами, горевшими ясно и неправдоподобно четко. Тишина стояла такая, как в театре перед началом концерта, - звенящая, напряженная, торжественная, многократно усиливающая любой звук. Небо, казалось, слегка вращалось. Здесь, под этой грандиозной синей сферой, раскинувшейся на тысячи верст окрест, невольно приходил в голову вопрос: что эти люди там, в нелепом "зимнем саду", делают, зачем кривляются, прыгают, пьют, говорят друг другу глупости? Зуев вздохнул, постоял и пошел обратно.

В вестибюле он увидел, что Сысуев по-прежнему торчит перед заветной дверью.

- Теперь япошка засел, - с полукомической гримасой страдания пояснил он. - Что он там делает - харакири, что ли? Слушай, пошли к себе наверх, в номера. Мочи моей больше нет.

Зуев отказался, так как облегчился на свежем воздухе, глядя на звезды. Он вернулся в зимний сад, где его уже искала встревоженная Светка.

- Куда же ты пропал? Бросил меня... Ты когда со мной танцевать будешь? Пойдем, дамы приглашают кавалеров.

- Да это же вальс! Разве ты умеешь?

- А то! Я в детстве в кружок бальных танцев ходила. А ты-то сам умеешь?

- Теоретически, - пробормотал Зуев. Вальсировал он всего пару раз в жизни.

Оказалось, танцевала Светка не просто хорошо - она танцевала чудесно. Красиво, как в кино, откинув назад стриженую головку, легко положив ему на плечо обнаженную руку, она с неожиданной для нее грацией и изяществом порхала по плиточному полу, точно и не касаясь его. Тяжеловатый Зуев, скованный боязнью отдавить ей ноги в легких туфельках, глядя на ее вдохновенно изменившееся в танце скуластенькое лицо с полузакрытыми глазами, на развевающуюся челку, с сердечной болью подумал, что этот неприятный, но умный Сысуев во многом прав: он опустил, плывет в жизни по течению, застрял в электричках и тем губит себя и Светку... Что дальше? Ему надоест в конце концов таскаться с книгами и он плавно перейдет в категорию бомжей? А Светка -

проституток или алкоголичек? Если он такой порядочный, каким изображал себя в разговоре с Сысуевым, то должен вытащить из электричек эту волшебю преобразившуюся в танце девочку, пристроить ее куда-нибудь учиться. А лучше всего, отбросив пошлые мысли о ее женском прошлом без него, жениться на ней, нарожать детишек... Свет, что ли, сошелся клином на этой литературе, будь она неладна? Начальные азы бизнеса он изучил - надо начинать трудовую капиталистическую жизнь... Занять денег, купить поддержанную машину, палатку, потом, если дело пойдет, "чепок"...

Светка раскраснелась, глаза ее сияли.

- Давай еще, Виталик, - попросила она.

Зуев кивнул, хотя танцевать с ней, такой вдруг счастливой, ему было тяжело. "Палатка, палатка... - тоскливо думал он. - Семья... А потом всю жизнь будешь винить Светку, что она сделала тебя из художника торгашом! Ведь писательство - это болезнь. На всю жизнь... Господи, где выход?" Светка, очевидно, что-то поняла в его состоянии, она теперь все время глядела ему в глаза, тепло улыбалась, словно говоря: "Все наладится, все будет хорошо" - как тогда, когда повела его за с собой "в люди".

Музыканты теперь, по просьбе Светки, играли только вальсы и блюзы. Сысуев, слава Богу, куда-то благополучно пропал: то ли взяла его в оборот Евдокия, то ли, напротив, сам он взял в оборот какую-нибудь подвыпившую поклонницу. Само его отсутствие действовало на Зуева благотворно. Мягко управляя им в танце, Светка мало-помалу освободила его от мрачных мыслей. Теперь он тоже улыбался ей, двигался свободней, уверенней.

Внезапно музыка прервалась.

- Граждане, прошу минуточку внимания, - сказал усиленный динамиками голос.

Все обернулись к эстраде. У микрофона стоял капитан милиции, а рядом - взъерошенный бледный Сысуев со съехавшим набок галстуком. Капитан постучал ногтем по микрофону, откашлялся. Из столовой, словно в ответ на сигнал, донеслось небольшинское: "И летели наземь самураи под напором стали и огня!". Японец заулыбался.

- Граждане, просьба собраться всем в зимнем саду, - сказал капитан. - Выходы из здания и на этажи временно перекрыты.

Только теперь Зуев увидел у входа омоновцев с автоматами. Двое из них держали под микитки ничего не понимающего режиссера, про которого Зуев, конечно же, забыл.

- Что случилось? Что случилось? - заговорила публика вразнобой.

Капитан поднял руку и продолжал:

- Нас вызвал один из гостей, товарищ Сысуев. Он оставил ключ от номера за конторкой у входа, которая, по халатности администрации, находилась без присмотра. Позже он обнаружил, что у него пропала из кейса крупная сумма, девятьсот шестьдесят долларов США. Дом отдыха еще никто не покидал, значит, деньги здесь. Мы просим уважаемых гостей предъявить имеющуюся у них наличность и заодно проверить, на месте ли она. Те, кому необходимо подняться в номер, сделают это в сопровождении сотрудников милиции. Не исключено, что кто-то из гостей выпил лишнего, и деньги присвоены по ошибке или э-э... по недоразумению. В таком случае предлагаю их добровольно вернуть. Анонимность гарантируется. Это избавит вас от долгой процедуры проверки. Организаторов прошу предоставить мне список гостей.

Вбежавший впопыхах из банкетного зала главный редактор, человек, похожий на Достоевского, но с крупным задом, беспомощно озираясь, схватил за руку Зуева.

- Что же это? - растерянно бормотал он. - Голубчик, завтра все газеты... Это скандал... Вы его хорошо знаете, попробуйте уладить это...

Зуев внутренне поморщился, но пошел к эстраде.

- Сысуев, - сказал он шепотом, - ты переутомился, сочиняя детективы. Ты протрезвешь и тебе будет стыдно. Не позорься, отмени эту операцию "Кольцо". Что для тебя девятьсот баксов? Как для меня девятьсот рублей. Здесь двенадцать этажей, деньги можно спрятать в любую отдушину.

Напряженное лицо Сысуева сразу же стало злым.

- Кто тебя просит вмешиваться? Ты думаешь, наконец уязвил меня... книгоноша! Так узнай о себе главное: не лень тебя губит, а неумение стоять во всем до конца. Я не умру без этих баксов, но если можно их вернуть, я их верну. В жизни нельзя уступать обстоятельствам. Уступил один раз, другой, третий - и жизнь утечет между пальцев. Останутся электрички. Скажи мне: ты что, уходишь, благодушно улыбаясь, когда тебе платят меньше, чем стоит книга? Почему ты смотришь на меня так, будто это я украл штуку баксов, а не у меня? Что у нас за странные представления о приличиях? Оттого и такой бардак в стране. Ты не подумал, что играешь сейчас на руку человеку, который, может быть, давно этим промышляет? Он знает, что литературная среда мягкотела и боится скандалов, и здесь можно резвиться безнаказанно. Не пора ли его схватить за руку, чтобы другим неповадно было?

Зуев поискал глазами главного редактора и отрицательно помотал головой.

- Товарищ писатель, где ваша супруга? - осведомился капитан.
- Спит наверху. Зачем вам она? Я разбудил ее, когда проверял кейс. Она предположила, что я оставил деньги дома. Но это не так. Я ведь по дороге покупал цветы, менял одну из бумажек.

- Все равно нужно послать за ней. Пока она, в сущности, единственный свидетель. Сержант! Давай наверх. И кейс принеси, только не лапай его, заверни во что-нибудь, там могут быть отпечатки. Если не разберемся сейчас, потом можно будет дактилоскопировать всех присутствующих по списку.

Последние слова капитан произнес, ненароком приблизившись к микрофону. Слово "дактилоскопировать", разнесшееся по залу, произвело на присутствующих такое же впечатление, как если бы они услышали: "скальпировать".

- Юрий Модестович! - крутя головой, громко позвал главный редактор. - Юрий Модестович!

Коротышка-директор возник перед ним.

- У вас есть тысяча долларов?

Тот лишь развел руками.

- Увы, Анатолий Евгеньевич, нет. Я уже заплатил по счетам за торжество и автобусы. Осталась какая-то мелочь, несколько тысяч рублей.

Анатолий Евгеньевич обратился к Сысуеву.

- Алексей Леонтьевич, я очень сожалею, что так получилось. Как организатор я не могу не нести ответственность. Обещаю вам перед всеми, что в понедельник вы получите от меня девятьсот шестьдесят долларов. Если угодно, готов предоставить расписку. Должен, однако, заметить, что, кроме обязательств перед вами, у меня есть обязательства перед другими гостями. Это дознание... это невозможно... неслыханно... так нельзя унижать писателей...

"Молодец! - подумал о главном Зуев. - А я-то считал его абсолютно бескостным субъектом".

Сысуев посмотрел на редактора холодно и вежливо сказал в микрофон:

- Анатолий Евгеньевич, мне очень не хотелось бы, чтобы в результате этого неприятного инцидента пострадали бы вы или ваш прекрасный журнал. Но вы меня неправильно поняли. Мне нужны не вообще деньги, а *мои* деньги. Я зарабатываю на жизнь нелегким честным трудом. Я не вор, не взяточник, и не "новый русский". И я не понимаю, почему мне, вам или кому-нибудь еще должно быть неудобно изобличить преступника и вернуть деньги. Мне кажется, собравшиеся здесь порядочные люди горячо заинтересованы в том, чтобы на них не легла и тень подозрения. Разумеется, - продолжал Сысуев уже не в микрофон, - вы и Юрий Модестович будете

освобождены от унижительных процедур. Мой старый приятель Зуев, который весь вечер был со мной, тоже. А вот твою гитану, - повернулся он к Зуеву, - извини, придется проверить.

- Погодите, товарищ писатель, - вмешался капитан. - Относительно следственных мероприятий здесь только я решаю. Если вы хотите сами руководить и определять круг подозреваемых, я не возражаю. Но мы в этом случае уедем.

Сысуев изобразил главному мину сожаления, но Зуев понял по его хитрой роже, что он получил бы немалое удовольствие, если бы деньги нашли вдруг у Анатолия Евгеньевича или Юрия Модестовича, а тем более у него или у Светки.

Анатолий Евгеньевич со слабеющей надеждой обратился к последней инстанции - капитану:

- Товарищ капитан! Сочувствуя господину Сысуеву, я, тем не менее, не могу превращать всех своих гостей в подследственных. Я хотел бы под свою личную ответственность попросить вас прекратить это. Я напишу вам обязательство в понедельник вернуть пострадавшему деньги. Если не верну - посадите меня в тюрьму.

- Договаривайтесь, - капитан кивнул в сторону Сысуева и, понизив голос, добавил: - Я здесь инициативы проявлять не могу, приказ исходит от нашего замминистра, которому звонил гражданин Сысуев.

Главный редактор снова обратил молящий взор на Сысуева, но тот упрямо помотал головой.

Стоявшая рядом с Зуевым Светка слышала слова Сысуева относительно себя, поэтому громко спросила, глядя на него в упор потемневшими от гнева глазами:

- Мне как, сейчас раздеваться для обыска, гражданин писатель, или потом?

Несчастный Анатолий Евгеньевич побагровел. Казалось, его сейчас хватит удар. Тут проснулся оператор-плейбой, некоторое время наблюдавший за происходящим с открытым ртом, включил камеру и припал глазом к окуляру. На теребящего его коротышку Юрия Модестовича он не обращал никакого внимания.

- Раздеваться никому не нужно, - снисходительно объяснил в микрофон капитан. - Достаточно добровольно предъявить содержимое карманов, бумажников, сумочек, портфелей. Но прежде, чем приступить к этому, я еще раз предлагаю похитителю подойти, не привлекая внимания, к одному из наших сотрудников и заявить о готовности вернуть деньги.

Все разом стали крутить головами по залу, стремясь увидеть того, кто, "не привлекая внимания", пойдет отдавать деньги. Тем временем в зимнем саду в сопровождении улыбающегося неведомо

чему омовца появилась заспанная растрепанная Евдокия Сысуева в накинутом поверх халата дорогом лайковом пальто. По лицу ее гуляли красные пятна. Она слышала слова капитана и поняла, что она и ее обожаемый супруг оказались в центре грандиозного скандала. Глаза Евдокии, и без того выпуклые, казалось, совсем выпрыгнули из орбит, как у дурацких персонажей американских мультфильмов. Сысуев приветливо улыбнулся жене, но было видно, что и ему от ее взгляда не по себе. Евдокия подошла к нему вплотную.

- Ты что, пьяная скотина? - сказала она таким шепотом, что ее услышали и в дальних углах зала. - Забери свои деньги! - Она классическим жестом торговли запустила руку в ложбину между двумя увесистыми грудями и достала сложенную вдвое пачку "зеленых". В зале захохотали. Взбешенная Евдокия швырнула деньги в лицо Сысуеву. - Я же твою кобелиную натуру знаю! Я видела, как заблестели твои глазки, когда появилась эта Светлана, и поняла, что банкетом дело не кончится, ты погрешься в ночной клуб к девкам и оставишь там свои девятьсот долларов! Я думала деньги сохранить, а ты что натворил? Как мы теперь людям в глаза смотреть будем?

Под все усиливающийся хохот Евдокия выбежала из зала. Капитан ее не задерживал. Он глядел исподлобья на Сысуева. Тот секунду постоял, повесив голову, потом нагнулся и не спеша собрал деньги. Когда он выпрямился, по утомленному лицу его гуляла кривая улыбка. Он проиграл поединок Зуеву - и не по очкам, а нокаутом, причем нанес его себе сам. Сысуев поклонился направо и налево, будто актер после удачной премьеры.

- Тыщу извинений, господи, тыщу извинений. Надеюсь, вы хорошо развлеклись. С меня - ящик шампанского. Простите, Анатолий Евгеньевич. Тыщу извинений, капитан. Спать, спать, - сказал он, проходя мимо Зуева, но не глядя ему в глаза. - Все споры отложим до завтра. Увидимся на шашлыках. К каким трагикомедиям приводит женское коварство! Ну, Евдокия!.. Спать, спать...

Держа голову так же высоко, как и прежде, он покинул зимний сад. Капитан с нехорошей улыбкой на лице последовал за ним.

Зуев стоял ошеломленный, ничего не видя перед собой. У него было такое ощущение, словно ему сначала врезали здоровенной дубиной по ногам, а потом по голове. Никаким победителем он себя не чувствовал. Отвратительный театр одного актера, свидетелем которого он был весь вечер, оставил на душе поганый осадок, как будто ее окунули в нечистоты.

Светка дотронулась до его плеча.

- Не расстраивайся, Виталик. Ты думаешь о том, что он тебе говорил, да? Не думай. Он говно, это было сразу видно. Такой все врет, даже если говорит правду. Подумаешь, ты не такой богатый и везучий, как эта гадина! Лучше быть таким, как ты. Ты умный, добрый. И конечно, ты хороший писатель. Я в этом ничего не понимаю пока, но он бы не вертелся вокруг тебя, был бы ты плохой. Прошел бы и не поздоровался. Ты не думай, что я тебя выбрала, потому что мне жить было негде. Нашла бы, как раньше находила. Я тебя полюбила. И больше мне никто не нужен. - Светка запнулась, покраснела, опустила глаза. - А хочешь, бросим эту торговлю? Проживем как-нибудь. Ты будешь писать, а я на курсы какие-нибудь пойду. Компьютер освою. Денег мы немного скопили, на первое время хватит.

Зуев внимательно посмотрел на нее. Первый раз в жизни он слышал признание в любви.

- Пойдем отсюда, Светик, - сказал он.

- Пойдем, - покорно, словно обещая следовать за ним всю жизнь, ответила она.

Он снял пиджак, накинул на ее голые плечи, и они вышли из сырого, провонявшего сигаретным дымом зимнего сада на весенний холодный воздух - чистый воздух свободы.

Журнал «Наш современник», 2004, № 2